

Елена ДРАПЕКО:

"У МЕНЯ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО Я НА ФРОНТЕ..."

СМЕНА - Санкт-Петербург - 1993 - 30 мин - с. 4

— Мне все-таки не совсем понятно, какой интерес я и мой комитет можем представлять для «криминального отдела» «Смены»?

— Ну, во-первых, мы же не совсем звери, тоже можем иногда о вечном подумать... А если серьезно — в городе упорно говорят, что комитет по культуре проявляет нездоровый интерес к сфере туристического бизнеса, к интуристским отелям... Дескать, Драпеко решила «наложить лапу» на международный туризм...

— Мне не очень понятно про «лапу», я ведь не собираюсь жить в этих отелях, и у меня (да и ни у кого в нашем комитете) нет никакого корыстного интереса. Наш комитет абсолютно не коррумпирован — могу вам это гарантировать. Он никогда таким и не был, здесь всегда работали достаточно серьезные и порядочные люди. Все, что мы хотим сделать, — на благо городу. Что же касается «интереса», то это наши прямые служебные обязанности: с 1 октября комитет существует как комитет по культуре и туризму. Мы разработали концепцию единого культурно-туристского комплекса города. При комитете создан отдел туризма, который занимается работой с туристическими фирмами. И до введения закона о въезде и выезде именно этот отдел выдавал ходатайства в МИД на иностранные туры в Санкт-Петербург. К тому же, мы работаем с государственной туристической компанией, 100 процентов капитала которой принадлежит городу.

Весь туризм в Петербурге основан только на культуре. К нам едут не для того, чтобы поспать в гостиницах и поесть в ресторанах. Гости приезжают сюда, чтобы посмотреть наши музеи и театры...

— А вы не идеализируете интуристов? Например, опросы, проведенные среди туристов из Финляндии и Швеции, показали, что многие приезжают сюда потому, что у нас проститутки замечательные: красивые и душевные.

— Я думаю, это частный случай. Кроме того, этот «альпийский туризм» из Финляндии на сегодняшний день резко сократился. Зато есть интерес к городу — именно к Петербургу — у международных туристических фирм. Мы это заметили, когда были в Лондоне на международной туристской выставке, где вели очень серьезные переговоры с фирмами. В марте будет такая же всемирная выставка в Берлине, в которой мы также принимаем участие как комитет по культуре и туризму. Вместе с нашими туристическими фирмами будем делать специальный стенд: с рекламой наших музеев, театров, дворцов и парков. Мы возьмем туда рекламные фильмы, буклеты, специально изданные для этой выставки, на многих языках мира...

Что же касается гостиниц, то гостиница — это база туризма. У нас острый дефицит гостиничных мест: всего в городе их, по-моему, 26 тысяч. При этом интуристские отели всегда были в привилегированном положении. Мы же считаем необходимым сделать единый гостиничный комплекс, довести муниципальные гостиницы до приличного уровня.

Сейчас по распоряжению мэра готовим новое положение о проживании в наших гостиницах. Хотим отменить регламентированное время их посещения. И в то же время навести внутри порядок, чтобы все девушки, о которых вы говорили, не очень там разгуливались. Для этого мы разрабатываем концепцию защиты иностранных туристов от всякого рода мафиозных структур и обирал-меняльщиков.

— Мы — это комитет по культуре?

— Нет, это по нашей просьбе подготовили совместно ГУВД и функционирующие при нем коммерческие или полукommerческие фирмы, осуществляющие защиту, например, ассоциация «Защита», «Нептун». Они охраняют на сегодняшний день гостиницу «Астория»,

Исаакиевский собор, Мариинский театр. Там к туристу близко «доставали» не подойдут. Вот так же мы попытаемся охватить весь город — те места, где бывают туристы, чтобы они были под жестким контролем.

— Вы принимаете новое положение о гостиницах, которое в чем-то помогает системе дефицита услуг. Если, например, отменяется фиксированное время посещения, то большое количество людей теряют свои доходы — маленьких людей, которых много и которые своими доходами еще и делятся с кем-то. Например, швейцары, консьержки...

— А об этих их доходах нам думать не надо.

— Я понимаю, но эти люди, нанятые, связаны с определенными структурами, и если вы своими постановлениями перекроете их денежные ручей, то это вызовет противодействие...

— Наверное. А как быть? Не делать этого?

— Просто чрезвычайно любопытно, насколько вы оцениваете серьезность возможного давления.

— Я не думаю, что останусь одна — в этом заинтересован весь город. И комитет по административным органам, и МВД, и КГБ — они все вместе с нами будут работать. Нам удалось доказать и депутатам Петросовета, и министерству культуры, и мэрии, и мэру, что наша концепция — идея создания комплекса — правомочна. И что мы должны заниматься этими вопросами не потому, что они какие-то выгодные и удобные, а потому, что это нужно городу. Можете считать меня идеалисткой.

— Хорошо, буду считать. Слухи есть слухи, безусловно, они все равно будут возникать и, коль скоро кому-то вы мешаете жить...

— Может быть, и мешаю. Наверное, сложились там какие-то связи, отношения, которые сейчас надо переигрывать, переключать. Нам, например, удалось заключить конвенцию между нашими музеями и театрами об установлении единых валютных цен для всех туристских фирм, которые покупают у них билеты. Ведь частично шел демпинг: для одной фирмы это была одна цена, для другой — другая... Это не дело. Должна быть единая ценовая политики.

— Вы смелая женщина, потому что именно на разнице в ценах, на системе такого дефицита услуг в общем-то и делаются большие деньги.

— Я хочу, чтобы в этом городе большие деньги делались честно. Туризм — это то, что дает отдачу сразу, без больших вложений. Это очень выгодный бизнес, но заниматься им должны честно, и надо, чтобы этот бизнес кормил город. Ведь многие страны живут за счет туризма. У Испании это основная статья доходов. Лондон принимает в год 12 миллионов туристов, Петербург — 800 тысяч. А денег в городской казне нет. Вот эту систему, систему финансовых потоков, тоже надо налаживать.

— Последнее время стали говорить еще и о том, что комитет по культуре всерьез занялся проблемой торговли антиквариатом, что вы намерены нарушить сложившуюся в городе монополию Ильи Трабера в этой сфере...

— У этой проблемы несколько аспектов. Во-первых, мы работаем практически без закона о ввозе и вывозе — по старым нормативным документам, которые утратили юридическую силу. Существует закон о предпринятиях и предпринимательской деятельности, который разрешает всем заниматься почти любыми видами деятельности. И поскольку у нас работа с антиквариатом — не лицензируемый вид деятельности (по законодательству), то запретить кому-либо этим заниматься нельзя. Отсюда — беспредел. Московское правительство, например,

вовлекло лицензирование. Для Петербурга вообще не существует никакого нормативного акта — ни нашего, местного, ни пражительственного. Вот над его созданием мы и работаем, считая, что нужно ограничивать круг предприятий и лиц, которые будут заниматься этой деятельностью.

— Около года назад мы посетили нашего предшественника Гусева. И, отвечая на один из наших вопросов, он привел слова Трабера, сказанные как-то ему в частной беседе: «Пока я один занимаюсь антиквариатом, держу руку на пульсе, будет в этой сфере какой-то порядок, стабильность. Если же начнет этим заниматься черт-те кто, то как раз и наступит беспредел, наступит эпоха анархии, и смогут голову проломить любому — например, и тебе». У вас нет опасений за собственную голову?

— Как это Ленин говорил — «профессиональный риск политика»... Я, правда, не знаю, с кем связан Трабер, есть ли у него возможности проломить мне голову...

— Я этого тоже не утверждаю.

— Наш с Трабером разговор, честно говоря, был достаточно серьезный. Я согласна с ним вот в чем: конечно, должно быть жесткое государственное регулирование, контроль со стороны налоговых и правоохранительных органов. Но ситуация, когда разрешено только одной фирме, — нелепа. Трабер — только верхушка айсберга, а «черный рынок» все равно существует. Чтобы контролировать рынок, мы должны его легализовать. Вот это — моя позиция и позиция комитета мэрии по торговле.

— В свое время я видел документы, подписанные и Соломиным, и Губенко. Документы эти, снаем так, были в пользу Трабера и, в общем, помогли ему стать на ноги.

— Все правильно. В той ситуации, наверное, я бы тоже поддержала его. Почему? Потому, что на сегодня по закону торговля антиквариатом разрешена только государственным комиссионным магазинам. И больше никому. А у нас в городе перестали существовать все государственные комиссионные магазины. Они — либо частные, либо акционерных обществ. Значит, если вообще прекратить эту торговлю, тогда весь антиквариат ушел бы на «черный рынок». И я понимаю Гусева, который бился за то, чтобы Трабер получил такое разрешение.

— Вот вы сказали сейчас, что в принципе эту торговлю осуществляли раньше государственные магазины, а сейчас — нет. Что же препятствует возобновлению их работы?

— Я думаю, что можно было бы организовать государственные комиссионные магазины, но это уже не моя епархия.

— Обсуждался ли вопрос о создании специализированного магазина, какой-то совместной структуры при патронаже и участии комитета по культуре и комитета по торговле?

— Нет, не обсуждался. Но комитет по культуре, как вы понимаете, не может входить в коммерческие предприятия.

— Вы сказали, что ваш комитет абсолютно не коррумпирован — я только рад это слышать, но все же... Антиквариат, туристический бизнес, много желающих этим заниматься, видимо, есть конкуренты. Ну неужели никто взятку не предлагал?

— Нет, мне не предлагали. Мнение обо мне такое, что ли... Честно говоря, я очень дорожю своей репутацией. Я привыкла жить в атмосфере любви и уважения, меня любили зрители, меня всегда любили мои друзья и товарищи в кинематографе. У меня никогда не было проблем с людьми. И только когда я заняла это кресло, все стали с подозрением на меня смотреть. Это очень горько.

— Сейчас в средствах массовой информации мелькают то и дело реплики та-

кого рода: чего, мол, ждешь от культуры, если руководят ею такие люди, которые себе позволяют в фильмах сниматься в обнаженном виде... Помните, у Невзорова был пинантный такой сюжет: вы сначала в бане (кадр из фильма «А-ори здесь тихие»), потом вы — на приеме...

— Я его не видела, но мне рассказывали. Ну, Саша Невзоров, по-моему, не прав. Во-первых, почему он решил быть святейшим римского, я не знаю. Эта сцена снималась в самые застойные времена, когда ханжество было в самом расцвете. И даже тогда это разрешили для показа по телевидению, ничего там неприличного нет. Я не знаю, чей заказ отработывает Саша. Либо просто потому, что я работаю в мэрии, а у него такая позиция войны со всеми властями, независимо от того, хорошие они или плохие. Не знаю. А то, что деятели культуры сейчас пошли работать в государственные структуры, это ведь нормально. И это не только у нас, мировая история знает и другие случаи.

— Вам самой не жаль, что вы были антрисой, а стали администратором?

— Жаль, но я и сейчас продолжаю немножко сниматься. Но еще больше жалею мне, конечно, город и мою любимую культуру. Тут уже не до себя, когда понимаешь, что происходит вокруг. У меня есть опыт работы — я ведь 20 лет была членом правления Союза кинематографистов, там участвовала в разработке закона об авторском и исполнительском праве. И у меня есть воля для того, чтобы сделать то, что я считаю нужным для культуры.

— Вы сказали, что продолжаете сниматься, а это секрет, где?

— Нет. Снимается на Ленфильме немецкая картина — комедия — «Русский паровоз».

— И успеваете?

— Ну, по выходным дням снимаюсь, либо ночью. Небольшую роль сыграла у любимого моего режиссера Юрия Мамина. Вы не смотрели еще «Окно в Париж»?

— Нет.

— Очень смешная комедия. Выреалась в субботу вечером после работы — так, для души, знаете...

— Вопросы личные можно задавать?

— Попробуйте!

— Весной у вас была свадьба?

— Была, да.

— Кто ваш муж?

— Муж мой — Юрий Викторович Третьяков.

— Чем он занимается?

— Ну, он долго занимался телевидением. Когда я за него замуж вышла, он был руководителем телекомпании ТС-1. Потом его пригласил Югин, и он четыре месяца проработал коммерческим директором Ленинградского телевидения. А потом случилось это несчастье с руководством телевидения — он остался без работы. На сегодняшний день он — президент телекомпании ТС-1 и ищет работу.

— Простите, профессия заставляет задавать вопросы нескромные. До нашей редакции доходили какие-то непонятные известия, связанные с какими-то дачами. По-моему, это имеет отношение и вашему бывшему супругу?

— Да. Я развелась с первым мужем очень давно — в 1989 году. Еще в 1980 году мы с ним купили дачу, ну, дачей это не назвать — домик, у артиста Юры Каморного. После развода мы ее так и не разделили. Я, как настоящая советская женщина, уходя, взяла с собой паспорт и ребенка.. Все остальное оставила ему: квартиру, машину, дачу... У меня ребенок, который перенес туберкулез, и все эти годы я снимала дачу. А сейчас все так

дорого, что мне это просто не по карману. И поэтому я решила попробовать разделить эту дачу. Мне уже из суда звонили, я знаю, что интересуются «600 секунд» этим вопросом... Непонятно, как все будет, потому что он на суд не является.

— Елена Григорьевна, а у вас хватает сейчас времени на семью?

— Нет, конечно. Дочку жалко, маленькую. Но стараюсь, хожу с ней в театры на премьеры, заодно и работе польза: смотрю, что происходит в детских театрах.

— Но вы не производите впечатления такого глубоко замученного несчастного человека. Мне кажется, что вам нравится то, чем вы сейчас занимаетесь.

— Да, вы совершенно правы. Человек должен самореализоваться. И у меня, как у многих, всегда было ощущение, что все не так делается. Мы ж как любили ругать власть на кухне! А сейчас у меня есть возможность вмешаться в эту ситуацию напрямую — там, где я считаю, что что-то не так.

— Сейчас три актрисы сразу занимают сопоставимые по значимости должности. Это — вы, Ирина Мирошниченко в Москве и Александра Яковлева в Калининграде. У вас есть какие-то контакты между собой?

— Ну, с Мирошниченко я общаюсь, а с Яковлевой — нет, потому что ее недавно назначили. А Ира Мирошниченко очень большая умница. Это ведь легенда, что артисты какие-то не такие, среди артистов тоже встречаются умные люди... А быть главной артисткой МХАТа столько лет — это, знаете, какой ум нужно иметь!

— А вы — умница?

— Не знаю, это пусть про меня другие скажут.

— Вы сами как себя оцениваете?

— Ну, иногда образованно не хватает: у меня Театральный институт. Для актрисы это очень хорошее образование, а для того, чем я сейчас занимаюсь, конечно, этого мало. Юридические вопросы решаете, правовые... Поэтому я, как Чапаев, — учусь в бою.

— Скажите, а вы прочно сидите в своем кресле?

— Я не знаю. И, честно говоря, об этом не думаю. Я ведь к этому креслу не проросла — для меня это не цель, а средство.

— Нет, вопрос ведь задается в связи с тем, что планы у вас большие, серьезные — всегда обидно, когда в результате какой-то политической чехарды что-то не получается.

— Конечно, будет обидно, если не удастся что-то завершить. Но, сколько я успею, столько я и сделаю — лишь бы это было во благо. Если нам сейчас удастся отладить, допустим, систему бюджетного финансирования культуры, перевести ее с прямого финансирования на программное, завести машину — она будет работать уже независимо от того, какой человек здесь сидит... Я так понимаю свой долг, свои обязанности.

— И последний вопрос. Одна из ваших самых главных ролей — это Лиза Бричкина, утонувшая в болоте. У вас нет такого ощущения, что вы сейчас тоже так бы идете по болоту?

— Есть, есть ощущение, что я на фронте. Существуют целые структуры, заинтересованные в том, чтобы порядок не было, чтобы в мутной воде рыбку ловить... Есть, есть... Знаете, когда ввязываешься в бой, уже не думаешь о себе, а думаешь о деле. Потом у меня такая закалка: меня воспитывала пионерская организация очень хорошо, и в семье у нас всегда были такие традиции, что сначала дело — потом ты...